

Оглавление

От авторов	6
Глава 1. «Я входил в большую жизнь под призыв Сталина...»	19
Глава 2. «...Мои действия можно назвать серьезной разведкой боем»	54
Глава 3. «Природа наградила меня басом Маяковского...»	122
Глава 4. «Эта трагикомедия кажется образцом людской глупости и фальшивой бдительности...»	175
Заключение	225
Литературные тексты	234
Ответ моим обвинителям	234
Разговор с И.В. Сталиным	262
Глазами классиков (Сны наяву)	273
Сокровенные мысли	322
Письма в Молотовский обком ВКП(б)	340
Данилкин М.Т. — Хмелевскому К.М. 05.09.1948	340
Данилкин М.Т. — Прасс[у] Ф.М. 27.04.1950	345
Данилкин М.Т. — Прасс[у] Ф.М. 29.04.1950	352
Данилкин М.Т. — Прасс[у] Ф.М. 08.05.1950	359

От авторов

31 марта 1953 г. в Молотовском областном суде в закрытом заседании слушалось дело Михаила Тихоновича Данилкина, обвиненного по ст. 58-10 УК РСФСР 1926 г. Пункт 10 статьи о контрреволюционных преступлениях, напомним, гласил:

«Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти, или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений (ст. 58²–58⁹), а равно и распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания влекут за собою — лишение свободы на срок не ниже шести месяцев»¹.

В тот же день суд нашел

«...вину Данилкина в контрреволюционном преступлении по ст. 58-10 доказанной его собственным признанием. Кроме того, его вина подтверждается произведениями, приложенными к делу (л.д. 30–142 т. 3, 11–29 т. 3, 1–10 т. 3, 1–61 т. 2)»

и вынес приговор:

«Признать виновным Данилкина Михаила Тихоновича по статье 58-10 ч. 1 УК РСФСР и подвергнуть его лишению свободы сроком на десять лет с последующим лишением в избирательных правах в силу ст. 31 п. а УК на пять лет»².

Помещенные в круглых скобках страницы дела образуют корпус текстов, принадлежавших подсудимому, в недавнем прошлом партийному журналисту: памфлетов, писем, дневников, литературных

¹ Из Уголовного кодекса РСФСР: 58-10. Надзорные производства прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде. Аннотированный каталог. Март 1953–1991. М.: Международный фонд «Демократия», 1999. С. 11.

² Дело № 2-75. Приговор по делу Данилкина М.Т. 31.03.1953 // ПермГАСПИ (Пермский государственный архив социально-политической истории). Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 9925. Т. 3. Л. 218.

сочинений, признанных судом клеветой на советскую действительность, извращением ее «в контрреволюционном духе» и дискредитацией «руководителей Советского государства»³.

Дело Данилкина отличалось от похожих дел по антисоветской агитации и пропаганды тем, что его судили не за разговоры, подслушанные осведомителями и часто в соответствующем духе фальсифицированными для нужд следствия⁴. Он действительно был автором

³ Там же.

⁴ Эффективность работы оперативных сотрудников МГБ измерялась тремя количественными показателями: «по числу заведенных дел оперативного учета, проведенных вербовок и арестов». (Кадыров — Н.С. Хрущеву. 16.02.1954. Копия. Машинопись // ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 22. Д. 134. Л. 142). Чтобы показать свою работоспособность, следователи областного управления МГБ шли на разные ухищрения: записывали в агенты глухих старух, заводили без каких-либо оснований дела-формуляры на хозяйственных руководителей, иной раз прибегали к провокациям, обставляли выбранную жертву агентами, давали им задания побудить человека к антисоветским высказываниям, а затем совершенно невинные суждения превращали в выпады против Советской власти. Военный прокурор войск МВД Молотовской области в том же 1953 г. сделал представление начальнику областного управления МВД, что его сотрудники взяли под арест «...ни в чем не повинного советского гражданина Николаенко, обвинив его в совершении государственного преступления». «Как выяснилось в настоящее время, все основные свидетели (имена опущены. — А. К., О. Л.) были секретными осведомителями органов МВД, и они получили задание провоцировать Николаенко [...] Установлено, что секретный осведомитель, и она же свидетель С., в своем донесении органам МВД писала, что Николаенко во время выпивки говорил: “Пью за социализм, а в отношении коммунизма — Вы мне бросьте”. Показания же С. в протоколе ее допроса были написаны так: “Пью за коммунизм, которого никогда не будет”, т.е. совершенно извращено ее сообщение» (Чернядьев — Цикляеву. Представление. 03.08.1953 // ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 158. Л. 174–175).

На партийном собрании УВД Молотовской области этот эпизод освещали таким образом: «5 отделом в апреле месяце был арестован за антисоветские высказывания и террористические намерения Николаенко. Материалы на арест были утверждены тов. Лоханиным и тов. Кутеповым. До ареста материалы не были тщательно проверены и во время следствия следователи не смогли надлежаще доказать преступную деятельность Николаенко. В результате недостатка собранных улик военная прокуратура в июне месяце своим постановлением дело Николаенко прекратила, и он был освобожден из-под стражи» (Протокол

произведений, приобщенных к делу следователями пятого отдела областного Управления МГБ⁵. Они отложились в двух последних томах архивно-следственного дела М.Т. Данилкина: пьеса «Жертва обстоятельств», дневниковые записи «Сокровенные мысли», литературный фельетон «Глазами классиков», очерки «Разговор с товарищем Сталиным» и «Ответ моим обвинителям».

При реконструкции взглядов журналиста областной газеты «Звезда» нельзя забывать, что сотрудникам Молотовского МГБ были нужны только такие тексты, которые можно было квалифицировать как «антисоветские». Напрасно М.Т. Данилкин просил во время предшествующего аресту партийного следствия «...выносить приговор по романам “Новоселье” и “Русская душа” (второй еще не совсем закончен), по сборнику очерков “Хозяева жизни”, по сборнику литературно-критических статей “Проба голоса”»⁶. Следователей эти произведения не интересовали. Из дневника М.Т. Данилкина «Сокровенные мысли» были перепечатаны и включены в дело только записи, необходимые для вынесения приговора.

В фондах Пермского государственного социально-политического архива нами найдено также отдельное дело «Заявления т. Данилкова(!) М. в ЦК и обком ВКП(б) об ответственных работниках г. Березники. 5 октября 1948 — 19 октября 1950»⁷. В нем собрана переписка журналиста с партийными инстанциями. Впрочем, перепиской это назвать трудно. Есть письма М.Т. Данилкина секретарям обкома, но

№ 2 закрытого партийного собрания парторганизации Управления МВД по Молотовской области. 23.07.1953 // ПермГАСПИ. Ф. 1624. Оп. 1. № 113. Л. 89).

⁵ Во время подготовки процесса решением Верховного Совета СССР от 15 марта 1953 г. Министерство государственной безопасности было упразднено. Его аппарат включили в состав Министерства внутренних дел. Тем не менее машинистка областного управления МВД в «шапку» обвинительного заключения, датированную 19 марта 1953 г., внесла по привычке старое название ведомства «Управление МГБ Мол^отовской обл^асти». Заместитель начальника не заметил и подписал. См.: Обвинительное заключение (по спецделу № 6540) по обвинению Данилкина Михаила Тихоновича в преступлении, предусмотренном ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 9925. Т. 3. Л. 202.

⁶ Данилкин М.Т. — Бюро Молотовского обкома КПСС. Объяснение. 15.12.1952 // ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 83. Л. 182.

⁷ ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 14. Д. 176.

нет ответов от адресатов. Вместо них в дело подшиты многочисленные справки о результатах расследований — и всё⁸.

В Государственном архиве Пермского края (ГАПК) нам удалось обнаружить в делах Молотовского отделения Союза писателей СССР материалы обсуждения рукописи романа «Новоселье», протокольные записи выступлений М.Т. Данилкина⁹.

Реконструировать взгляды нашего персонажа приходится по разнородным источникам. Записные книжки можно смело отнести к эго-документам, впрочем, как и литературные произведения, в которых сюжет, фабула, язык — все служит в первую очередь выражению собственного «Я»; и здесь нет особой разницы между пьесой, фельетоном, очерком. Все тексты — это сплошной монолог автора, иногда розданный им действующим лицам: А.С. Пушкину, Н.В. Гоголю и другим. Кроме эго-документов, в делах архивов можно найти официальные бумаги: обращения М.Т. Данилкина во власть, протокольные записи партийных собраний, справки, подготовленные различными комиссиями по запросам партийного журналиста, протоколы допросов, экспертные заключения и проч.

Партийный журналист Михаил Данилкин был одним из людей, пытавшихся из подручного материала сформулировать свой собственный взгляд на советскую действительность. Более того, он переносил свои оценки и суждения на бумагу, придавая им литературную форму. Он вел напряженный мысленный диалог со Сталиным, предлагая тому либо оспорить, либо принять их. Он хотел просве-

⁸ О конфликте М.Т. Данилкина с местной партийной номенклатурой см.: *Кимерлинг А.С., Лейбович О.Л.* «С такими в наше время скандалить опасно...»: Критика номенклатуры в потаенных текстах Михаила Данилкина // Номенклатура и общество в России и Украине. Пермь: Изд-во ПГТУ, 2009; *Лейбович О.* В городе М. М.: РОССПЭН, 2009; *Лейбович О.* Маленький человек сталинской эпохи: попытка институционального анализа // История сталинизма: итоги и проблемы изучения: материалы международной научной конференции. Москва, 5–7 декабря 2008 г. М., 2011. С. 161–176.

⁹ Обсуждение романа Данилкина «Новоселье». Протокол от 08.02.1952 // ГАПК (Государственный архив Пермского края). Ф. р-1188. Оп. 1. Д. 3. Л. 37(об.)–41; Протокол № 1 собрания членов Молотовского отделения ССП и писательского актива г. Молотова и Молотовской области. 21.01.1950 // ГАПК. Ф. р-1188. Оп. 1. Д. 2. Л. 146–154.

тить власть. Та ответила арестом, приговором, лагерем и неполной реабилитацией, но сохранила тексты. Знакомство с ними ставит перед нами вопрос: в какой исследовательской парадигме можно с достаточной степенью аутентичности интерпретировать взгляды М.Т. Данилкина? 20 лет назад, когда мы только подступали к этой теме, нам казалось, что мы имеем дело с явлением советской общественной мысли. Сейчас этот подход представляется нам упрощенным и наивным.

Общественная мысль возможна в условиях, когда существует организованная автономная от власти публичная сфера, которая «опирается на: 1) разного рода негосударственные организации и институты (салоны, литературные и дружеские общества, кофейни и чайные дома, клубы, масонские ложи и т. д.), обеспечивающие выработку новых форм социальности; 2) газеты, журналы, книги, циркуляция которых обеспечивает коммуникацию внутри публичной сферы»¹⁰.

Иначе говоря, общественная мысль есть там, где существует независимое от власти общественное мнение. Историки идей в связи с этим указывали на Францию старого порядка в канун революции: в ней сложился круг образованных людей, не связанный ни с двором, ни с церковью. Посетители кофеен, члены литературных объединений, читатели запретной и полузапретной литературы, свободные от обременительного каждодневного труда, — они и образовывали то, что в будущем назовут обществом. «Разумеется, “общество” во Франции восемнадцатого века не существовало в сколько-нибудь связной форме; а в той мере, в какой оно все же существовало, оно было отстранено от прямого участия в политике»¹¹. Такая отстраненность и позволяла свободно резонировать по поводу властных практик и институтов. Хотя эти де-

¹⁰ Каплун В.Л. Что такое Просвещение? Рождение публичной сферы и публичной политики в России // Публичное пространство, гражданское общество и власть / под ред. А. Сунгурова и др. М.: Российская ассоциация политической науки; РОССПЭН, 2008. С. 333–345. <http://www.civisbook.ru/files/File/Kaplun_what_is_it.pdf>.

¹¹ Дарнтон Р. Высокое Просвещение и литературные низы в предреволюционной Франции / пер. с англ. Г. Дашевского // Новое литературное обозрение. 1999. № 37. <magazines.russ.ru/nlo/1999/37/darnton.html>.

баты воодушевляли только малочисленную интеллектуальную элиту: адвокатов, журналистов, литераторов и издателей, они формировали то, что называлось «духом времени», подчинявшим идеям Просвещения умонастроения многих и многих людей. Подлинный XVIII в. во Франции — это «годы господства общественного мнения»¹². Заметим, что в толщу третьего сословия они не проникли¹³.

В России XIX в. общественное мнение только формируется. В эту эпоху отечественные интеллектуалы устанавливали границы между собой и государством. Вначале речь шла только о личном достоинстве, защиту которого нельзя было никому перепоручить. Позднее — об общественных интересах, которые расходились с династическими, более того, казались им противоположными. Русская общественная мысль по своей природе была первоначально мыслью оппозиционной. Она группировалась вокруг *проклятых вопросов* русской действительности: крепостного права, принципа самодержавия, личного и сословного неравенства¹⁴. Пройдет много лет, прежде чем критика государственного быта вызовет к жизни антикритику, равную по интеллектуальному содержанию¹⁵. Философские и литературные споры долгое время заменяли в России открытую по-

¹² Caro E.M. La fin du dix-huitième siècle. Vol. 1. Paris: Hachette, 1880. P. 2.

¹³ Анализируя наказания депутатам Генеральных штатов 1789 г., американский историк Уильям Дойл заметил, что «в наказаниях третьего сословия отражается глубокий консерватизм, тогда как дворянские наказания, как это ни парадоксально, проникнуты духом Просвещения в силу их массовой приверженности идеологии достоинства» (*Lepeltier Th. Des origines de la révolution française, de William Doyle, Calmann-Lévy (Liberté de l'esprit), 1988 [1980] // Revue de livres. Mai 1999.* <<http://thomas.lepeltier.free.fr/cr/doyle.html>>).

¹⁴ Горин Д. Дух свободы в несвободном обществе: опыт научного сообщества в дореволюционной России. <http://www.civisbook.ru/files/File/Gorin_Tetr_58.pdf>; Гросул В.Я. Общественное мнение в России XIX века. М.: АИРО-XXI, 2013; Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры: в 3 т. М.: Прогресс — Культура; Редакция газеты «Труд», 1995; Эймонтова Р.Г. Идеи Просвещения в обновляющейся России (50–60-е годы XIX в.). М.: ИРИ РАН, 1998.

¹⁵ См.: Бессчетнова Е.В. Константин Леонтьев на пороге Оптиной пустыни // Человек. 2014. № 4. С. 15–156; Кантор В.К. Константин Леонтьев: христианство без надежды, или Трагическое чувство бытия // Кантор В. «Крушение кумиров», или Одоление соблазнов. М.: РОССПЭН, 2011; К.Н. Леонтьев — pro et contra: личность и творчество Константина Леонтьева в оценке русских мыс-

литическую борьбу, вернее, оттесняли ее в сумрачную область, где против тайных обществ воевала тайная полиция, где пересекались государственные репрессии и революционный террор. В идейной борьбе проговаривались будущие социальные конфликты. Люди XIX в. много публиковали, несмотря на цензуру, еще больше писали. Что самое главное, они сохраняли свои архивы. У историков нет недостатка в источниках для того, чтобы обсудить социальную обусловленность взглядов Владимира Соловьева или Николая Чернышевского, обнаружить следы взаимовлияний или приписать те или иные идеи к какой-либо интеллектуальной традиции.

В последние десятилетия перед революцией русская общественная мысль представляет собой многоцветную панораму самых разных идейных течений.

Советская эпоха была совсем иной. Рожденная революцией власть не признавала ни партикулярных интересов отдельных социальных групп, ни тем более независимого общественного мнения. Она претендовала на то, чтобы быть источником знаний, главным просветителем, мерилom нравственности и законодателем художественных вкусов. «Партия наша — это наука, — писал инструктор ЦК КПСС профессору А. Любичеву, — и они между собой неразделимы»¹⁶.

Власть предлагала единый язык, названный С. Коткиным «большевистским»¹⁷. Современники называли его «газетным». Он формировал способы размышления и говорения о мире¹⁸. Для описания социальных проблем советского общества, например, использовались

лителей и исследователей, 1891–1917 гг.: антология. Кн. 1, 2. СПб.: РГХА, 1995; *Тесля А.* Первый русский национализм... и другие. М.: Европа, 2014; *Тесля А.* «Последний из “отцов”»: Биография Ивана Аксакова. СПб.: Владимир Даль, 2015; *Тесля А.* Русский консерватор: о системе политических воззрений К.П. Победоносцева 1870–1890-х годов // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16. № 1. С. 151–172.

¹⁶ «Неприлично молчание мне...» Из переписки профессора А.А. Любичева с В.П. Орловым // ЭКО. 1988. № 2. С. 110.

¹⁷ *Kotkin St.* Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. Berkeley: University of California Press, 1995. P. 220.

¹⁸ См.: *Купина Н.А.* Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. 3-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2017.

устойчивые клише — в годы террора: «вредительство», «вражеская вылазка», «троцкистская провокация»; в годы нормализации писали и говорили «о пережитках капитализма», или о его «родимых пятнах», в лучшем случае «о временных трудностях», или «недоработках». Они выглядели случайными вкраплениями на фоне колоссальных достижений Советской власти, необычайных успехов советского строя¹⁹.

Властные притязания распространялись на самые интимные стороны человеческой жизни, в том числе интеллектуальные. В годы первых пятилеток рабочих и студентов учили писать дневники как своего рода отчеты о работе над собой в духе сталинских указаний, или упражнений в большевистском языке. В них не было ничего сокровенного, их отдавали на проверку секретарю ячейки, показывали иностранным журналистам и советским писателям²⁰. Ознакомившись с содержанием дневников московских студентов, немецкий журналист К. Менерт сделал вывод, что «большинство студентов воодушевлены большевизмом и его великими задачами; они готовы и впредь жертвовать материальными благами [для этой цели]»²¹.

В конце сталинского периода партийный диалект удалил из гуманитарной сферы все профессиональные наречия. Михаил Данилкин в ответ на упрек, что герои его публицистического романа говорят одним языком, возразил: «Нет разных языков. Это вполне естественно. Язык один»²².

¹⁹ «Они ошеломлены колоссальными достижениями Советской власти, им кружат голову необычайные успехи советского строя», — писал о молодых партийных кадрах И.В. Сталин (*Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР*. М.: Госполитиздат, 1952. С. 25).

²⁰ В процессе работы над историей советских промышленных предприятий «молодой тогда писатель Г. Медынский работал над “Историей метро” на основе дневников (не мемуаров!), поскольку “легче и целесообразней ловить современность, чем восстанавливать ее как историю” (Журавлев С.В. Феномен «Истории фабрик и заводов»: Горьковское начинание в контексте эпохи 1930-х годов. М.: Ин-т российской истории РАН, 1997. С. 104).

²¹ *Mehnert K. Die Jugend in Sowjetrussland*. Berlin: S. Fischer, 1932. S. 33.

²² Обсуждение романа Данилкина «Новоселье». Протокол заседания писательской секции от 02.1952 // ГАПК. Ф. р-1188. Оп. 1. Д. 3. Л. 41(об.).

Советский литературовед Б.М. Эйхенбаум в 1949 г. записал в дневнике: «Думаю, что пока надо оставить помыслы о научной книге. Этого языка нет — и ничего не сделаешь»²³.

В обществе, в котором общественное мнение вытеснено из публичного обихода, не может быть и общественной мысли: нет обмена идеями, дискуссий и полемик, нет языка для обсуждения социальных вопросов. И в такой ситуации человек образованный и наблюдательный способен размышлять наедине с тетрадкой о злобе дня, искать первопричины неурядиц, даже предлагать проекты, но у него нет возможности ни найти единомышленников, ни вступить в полемику с оппонентами, ни создать школу, ни присоединиться к какой-либо существующей. Свою позицию он может выявить, только обращаясь к власти на ее же языке, что, собственно говоря, и делал М.Т. Данилкин, к слову сказать, другого языка не знавший. Его рефлексия над днем сегодняшним не стала и не могла стать частью общественной мысли в силу ее отсутствия.

Таким образом, критика советской действительности в писаниях молотовского журналиста должна быть рассмотрена в иных исследовательских перспективах и прежде всего как способ формирования личной субъектности в преодолении «ролевого» принципа социальной организации, в формировании собственного «Я» наперекор мнениям «почтенных учреждений», как их именовал наш герой, профанируя сталинский язык. Мы опираемся на определение субъектности, данное М. Иршорном: «Способность человека — быть стратегом своей деятельности, ставить и корректировать цели, осознавать мотивы, самостоятельно выстраивать планы жизни»²⁴. По мнению Й. Хелльбека, конструирование субъектности было одной из стратегических целей сталинской политики. «Без преувеличений, коммунистический проект может рассматриваться как грандиозный “Я”-проект по превращению несовершенных партикуляристских человеческих существ в универсальных социализированных субъек-

²³ Чудакова М., Тоддес Е. Страницы научной биографии Б.М. Эйхенбаума // Вопросы литературы. 1987. № 1. С. 159.

²⁴ Иршорн М. Акционизм // Журнал социологии и социальной антропологии. Спец. вып. Современная французская социология. 1999. Т. 2. С. 299.

ектов»²⁵. Мы же полагаем, что в сталинскую эпоху субъектность в ее индивидуалистическом оформлении (а возможно ли иное?) последовательно и жестко подавлялась. «Я — последняя буква в алфавите», «отсебятина» и прочие устоявшиеся языковые формы свидетельствуют именно об этом. Формирование субъектности отдельных лиц первоначально воспринималось окружающими как девиантные практики. Человек, проделывавший над собой такую работу, терял цельность взгляда и устойчивость позиций. По верному замечанию С. Бойм: «Вдумчивый исследователь Фуко сконцентрировался бы именно на дискурсивных разрывах, провалах и непоследовательности в дневниках советских людей. Они наиболее показательны для любого исследования субъективности»²⁶.

Такие непоследовательность, логические разрывы мы обнаруживаем в текстах М.Т. Данилкина. В.И. Семевский, в начале XX в. изучавший общественные воззрения декабристов, нашел в них (в воззрениях, а не в декабристах) сочетание *симпатичных* и *несимпатичных* черт²⁷. Такой подход, на первый взгляд далекий от строго научного, позволяет историку сохранять необходимую дистанцию между ним и персонажем, избегать как *житийного*, так и *памфлетного* способа портретирования. Нам нет нужды что-либо затушевывать в политическом мировоззрении героя, смещать пропорции либо искать оправдания отдельным поступкам. Наша задача в другом — по возможности более точно реконструировать мир политических идей Михаила Данилкина — мир, который рождался на пересечении личной судьбы героя и общих судеб его современников.

Его взгляды на современную действительность могут быть истолкованы в терминах жизненного мира, т.е. сложившихся устойчивых, связанных представлений, образов, иллюзий, мифов, оценочных суждений о людях — о друзьях и врагах, своих и чужих, о социальном пространстве, о собственном «Я». Концепция «жизненного мира»

²⁵ Интервью с Игалом Халфиним и Йоханом Хелльбеком (пер. М. Могильнер) // *Ab Imperio*. 2002. № 3. С. 222.

²⁶ Бойм С. Как сделана советская субъективность? // *Ab Imperio*. 2002. № 3. С. 288–289.

²⁷ Семевский В.И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб.: Издательство: типография первой Спб. трудовой артели, 1909. С. 394.

позволяет разгадать смысловое наполнение социальных практик, расшифровать мотивы на первый взгляд необъяснимых поступков нашего героя. При этом следует принять во внимание, что в жизненном мире отдельного человека воспроизводятся автоматизмы мысли и действия близкого ему социального сообщества. В жизненном мире М.Т. Данилкина можно обнаружить слепок с ментальности советского служилого слоя, пришедшего во власть в первой половине 1930-х годов. Данилкин был вынужден заново открывать то, что его политические единомышленники из числа европейских левых сформулировали за 15 лет до него. Тем не менее он предвосхитил социологические построения М. Джиласа на тему *нового класса* и ход рассуждений Н.С. Хрущева на XX съезде партии, расходясь и с тем и с другим в принципиальных политических вопросах.

История Данилкина — поучительная глава в истории первого поколения советских людей, родившихся между 1910 и 1917 гг., в числе многих из них он проделал путь наверх из самых низов старого общества. И чтобы реконструировать жизненный мир партийного журналиста, нам нужно обратить внимание на меняющееся его окружение: деревенское, заводское, военное, партийное. В этих социальных сообществах формировалось его мироощущение, от них он заимствовал представления о мире людей и вещей. И стало быть, изучение его жизненного мира, способов формирования «Я» возможно только при помощи биографического метода.

Его жизненный путь в узловых пунктах совпадал с основными вехами сталинской эпохи. Данилкин чувствовал себя солдатом партии, но все время выбивался из строя. Не умел ходить в ногу, хотя искренне старался попасть в такт сталинским маршам. Начал ребенком. Беспорочничал при позднем НЭПе, когда его сверстники занимались крестьянским трудом или ходили в школу. Просидел за партой время «великой чистки». Возмутился казенной неправдой в эпоху торжества социализма. Вступил в спор с вождем, когда тот был жив и при власти. Но даже в своем протесте Михаил Данилкин остается человеком сталинской выучки, чьи политические горизонты очерчены «Вопросами ленинизма».

Поставим перед собой вопрос, какую эвристическую ценность представляет собой исследование жизненного мира провинциаль-

ного журналиста, если его тексты не инициировали дискуссию в литературной среде о судьбах социализма, не стали импульсом для обсуждения политических вопросов, а оказались погребенными на 75 лет в пропыленных папках архивно-следственного дела. Считать его взгляды типичными для людей номенклатурных — партийного чиновничества средней руки — было бы опрометчиво. Впрочем, и мельник Меноккио — персонаж исторического исследования К. Гинзбурга — также не мог претендовать на то, чтобы олицетворять собой взгляды и формы поведения сельских обитателей той эпохи. Согласимся, однако, с мнением П.Ю. Уварова: «Так, например, случай с мельником Меноккио из книги Карло Гинзбурга “Сыр и черви” абсолютно нетипичен, но он дает нам очень богатую информацию о различных пластах культуры, о “возможном и невозможном”, об особенностях судопроизводства и т.д.»²⁸. В той же мере был нетипичен и случай с Михаилом Данилкиным, позволяющий, однако, увидеть, как в партийных кругах проявлялись ощущения растущей социальной несправедливости, болезненного расхождения между идеологией победившего большевизма и действительным положением вещей, опасения за судьбу советского проекта. Тексты М.Т. Данилкина интересны в первую очередь тем, что они демонстрируют техники мышления и говорения, сложившиеся в рамках социалистической советской культуры, способы восприятия большевистской идеологии.

Работа состоит из двух частей. Первая представляет собой историю жизни Михаила Данилкина, рассказанную и, стало быть, отредактированную им самим. Мы мало знаем о начале его жизненного пути, о процессе формирования политических взглядов. Источники, на основании которых написана первая глава, относятся к более позднему времени. Это скорее отчет, нежели хроника жизни. Не обнаружена и часть его переписки с московскими инстанциями, в том числе письмо в ЦК ВКП(б) от 18 июня 1948 г. и письмо к Сталину «Белинский и наше время». Не найден и литературный архив М. Данилкина. Во втором разделе опубликованы тексты Михаила Данилкина, написанные им в 1951–1952 гг. Последовательность документов

²⁸ Уваров П.Ю. Франция XVI века. Опыт реконструкции по нотариальным актам. М.: Наука, 2004. С. 60.

определяется временем их создания: от более ранних к более поздним. Нумерация применяется сквозная. Все документы публикуются под собственными заголовками без извлечений.

Тексты М. Данилкина, помещенные в приложениях к книге, а также цитаты из архивных материалов публикуются в соответствии с «Правилами издания исторических документов в СССР», принятыми в 1990 г.

Мы отдаем дань памяти Вадиму Григорьевичу Светлакову, бывшему директору партийного архива (ныне ПермГАСПИ), обеспечившему нам в 1997 г. доступ к документам, и искренне благодарим Галину Федоровну Станковскую за неоценимую помощь в работе над первым изданием книги.

Мы благодарны своим коллегам по работе А.И. Казанкову, А.Л. Глушаеву, А.В. Чашухину, А.Н. Кабацкову, А.В. Бушмакову, взявшим на себя труд познакомиться с рукописью, сделать важные и нужные замечания. Всю ответственность за книгу мы, естественно, принимаем на себя.

21 июля 2018 г.

«Я входил в большую жизнь под призыв Сталина...»

Когда-то русский писатель, работавший в парижском архиве над историей XVIII в., заметил: «Поразительно число деловых бумаг, описей, инвентарей, протоколов, остающихся от рядовых французов»¹. О советских людях 1940-х годов так не скажешь. Частные сделки были под запретом; имущественные споры, если таковые случались между родственниками, очень редко доходили до суда. Да и делить, собственно, было нечего. Государственный нотариат, призванный регулировать гражданский оборот, «оставался дискриминированным правоохранительным органом. Не хватало квалифицированных кадров, помещений, инвентаря»². Та же ситуация была и с отделами записей актов гражданского состояния — загсами³. Частные бума-

¹ Алданов М. Фуке-Тенвиль // Алданов М. Соч. Кн. 2: Очерки. М.: Изд-во «Новости», 1995. С. 244.

² Кодинцев А.Я. Советский нотариат в послевоенный период // Бюллетень нотариальной практики. 2008. № 1. <<http://www.center-bereg.ru/j2067.html>>.

³ В записке начальника Пермского отдела НКВД секретарю горкома ВКП(б) читаем: «ЗАГС при Пермском Городском совете находится в исключительно отвратительном помещении. Комната, отведенная для регистрации рождений и браков, расположена неуместно. Для того чтобы попасть в эту комнату, необходимо пройти 2 коридора, которые темные, с противно сырым запахом, и комнату, в которой производится запись разводов и смертей, где слышны плач по умершим и неимоверная ругань разводящихся, что влияет на молодых людей, отцов и

ги в жизни людей были вытеснены бумагами казенными: справками о трудовом стаже, выписками из приказов, копиями свидетельств и удостоверений.

В одном эмигрантском собрании, состоявшемся в Женеве в 1903 г., Юлий Осипович Мартов обронил фразу: «Для человека недостаточно души и тела, требуется еще и паспорт»⁴. Секретарю острота понравилась, и он занес ее в протокол. Ю.О. Мартов вряд ли подозревал, что для будущего социалистического общества оброненные им слова, если толковать их расширительно, будут значить много больше, чем все сказанное, написанное и напечатанное его товарищами по партии за десятилетия революционной борьбы⁵. По паспортам советских граждан в 1940-е годы можно было установить их места проживания (прописку) и работы, а также семейное положение, а по соответствующим пометам — наличие ограничений, наложенных на них государственными органами. Паспорт был одним из множества учетных документов, оседавших в канцеляриях советских учреждений: в отделах кадров, райкомах ВКП(б), в военных комиссариатах, в службах Министерства государственной безопасности. Чиновники аккуратно подшивали в дело учетные карточки, собирали характеристики, выписывали справки, о содержании которых человек мог и не подозревать⁶.

матерей, приходящих зарегистрировать свой брак и новорожденных» (Лосос — Гайдук. 09.10.1934 // ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 870. Л. 49).

⁴ Протоколы II съезда Заграничной лиги и «комментарий» к ним. 26 октября — 31 октября 1903 г. М.: Партиздат, 1934. С. 137.

⁵ Можно предположить, что Ю.О. Мартов называл паспортом вид на жительство, утвержденный решением Сената в 1894 г. Этот казенный документ служил удостоверением личности, указывающим на совершеннолетие его владельца и одновременно на его юридическую правоспособность; он также давал право на свободу передвижения в пределах Российской империи (см.: Бушмаков А. От проезжей грамоты к паспорту // Ретроспектива. 2012. № 1. С. 33–34).

⁶ В фельетоне, опубликованном в газете «Правда» в 1936 г., влиятельный партийный журналист предостерегал от злоупотребления всякого рода компрометирующими материалами неясного происхождения: «Хорошая слава пошла о человеке. Пошла и дошла до того угла, где у человека некогда случился плохой эпизод. Или просто — притаились недруги, конкуренты, завистники. Тогда из угла побредет за человеком бумажонка. Она пойдет медленно, семена ножками, как насекомое. Но обязательно догонит человека. Бумажонка невзрач-

Среди казенных бумаг, определявших отношение к советскому гражданину, особое место занимала анкета. Она определяла реальный статус советского человека, более того, перспективы социальной мобильности — нисходящей или, напротив, восходящей. От ответов на предложенные ею *распросные пункты* зависела судьба человека. Повторное анкетирование означало недоверие. Начальник отдела найма и увольнения завода № 19 по производству авиамоторов в г. Перми обставил эту процедуру как следственное мероприятие — в особом помещении, куда вызывались по одному в чем-то подозреваемые работники завода. «А что представляет комната № 2, которую вы создали в ОНУ, ставшей “притчей во языцах”? Вы молчите. Создаете комнату № 2, вызываете людей, допрашиваете: “Член ли ты организации и т.д.” Этим самым Вы встали на путь подмены органов НКВД, причем плохо делаете. Узнав об этой комнате, я вызвал т. Морзо и предложил закрыть ее», — обличал активного разоблачителя директор завода. Тот возражал: «Комната № 2 обыкновенная,

ная, на серой бумаге, слепым шрифтом отбитая, с плохо оттиснутым штампом, с неразборчивыми подписями и глухим содержанием. В бумажонке осторожно и туманно говорится, что имярек, который работает у вас, в свое время где-то проявил себя весьма отрицательно, что, по имеющимся данным, вел себя антиобщественно, что, по поступившим заявлениям, устраивал пьянки, что, по создававшемуся впечатлению, является элементом отсталым и пассивным. У кого имеются такие данные? Куда поступили заявления? От кого? Когда? Пять лет назад? У кого создалось впечатление? Почему создалось? Как создалось? Создалось ли? Ничего в глухой бумажонке не разъяснено. Она написана хмуρο, невнятно, сквозь зубы. Проверить бумажку трудно, часто невозможно. А все-таки бумажка действует.

Ее обносят по кабинетам, бережно прячут в личном столе. И сразу стол, возомнив себя ужасно бдительным, начинает прищуриваться на человека, новым косым взглядом рассматривать его отличную работу, отодвигать хорошего работника в сторону, в тень, в задние ряды. Сам человек, не понимая причины, грустит и мучается от перемены обстановки и отношения к нему; он думает, что стал хуже работать, что в чем-то провинился, в чем-то ошибается. А на самом деле — эта тихая, лживая бумажка, никем не проверенная и никем не подтвержденная, исподтишка гложет его труд, его отдых, его спокойствие» (*Кольцов М. Личный стол // Фрадкин В. Дело Кольцова. М.: Вагриус, 2002. С. 128–129*).

предназначенная для анкетирования — и через нее прошло свыше 400 человек»⁷.

В письме новому парторгу ЦК ВКП(б) на заводе К.А. Морзо напомнил о своих заслугах: «В 1936 г. я уточнил анкеты всех работников завода и выявил группировку троцкистов и правых на заводе»⁸.

Анкетировать означало допрашивать. «В декабре 1936 г., после возвращения из отпуска, — продолжил объяснение начальник ОНУ, — я добился анкетирования Краскина. Он отвиливал. Я просил помощи Орлова — не получил. Я заявил Орлову, что, если Краскин не будет анкетироваться, я отберу у него пропуск и на завод не пущу. На это Орлов ехидно ответил: “Если считаешь нужным — не допускай”»⁹.

В течение десятилетий продолжалась эта жестокая игра в казаки-разбойники. Бдительные сотрудники многочисленных органов искали в анкетах неясности, неточности, прямую ложь и уклончивое лукавство. Их подопечные пытались скрыть компрометирующие данные, преимущественно о социальном происхождении, о занятиях родителей, опасные родственные связи, корректировать собственную родословную. Иногда получалось. В личном деле крупного партийного работника, родившегося до 1917 г., нам как-то встретилась такая запись: отец — крестьянин-бедняк, мать — учительница. Такой мезальянс в старой деревне вряд ли был возможен, но ни кадро-

⁷ Протокол № ... закрытого заседания бюро Сталинского РК ВКП(б) от 09.01.1938. Машинопись // ПермГАСПИ. Ф. 231. Оп. 1. Д. 21. Л. 158, 161.

⁸ Морзо — Дубову. Объяснение. 28.12.1937 // ПермГАСПИ. Ф. 231. Оп. 1. Д. 21. Л. 155.

⁹ Там же. Л. 156. В.Е. Орлов — заместитель директора завода № 19; В.С. Краскин — начальник планового отдела того же завода. Бдительные партийцы не могли простить ему службы в Белой армии: «Краскин у Колчака был офицером, он еврей, я думаю, что за какие-нибудь особые услуги могли дать такой чин. А папа его был финансовым советником у Колчака. Этот человек у нас в Плановом отделе, где сосредотачиваются цифры не только сегодняшнего дня. (Т. Кабаков: Может быть, он незаменимый?) По-видимому, если его держат, а мое мнение как инженера и как коммуниста, не только он не является незаменимым, но он мешает работе». Стенограмма заседания VIII Пленума Городского комитета ВКП(б). Т. 1. 25–26 января(?) 1937 г. // ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1352. Л. 12–13.

вики, ни чиновники из МГБ не заметили ничего подозрительного. «Отец-бедняк» выписал сыну пропуск во власть.

Чаще, однако, случилось иначе. В 1947 г. секретарь Молотовского обкома ВКП(б) Семен Афанасьевич Антонов баллотировался в депутаты Верховного Совета РСФСР. Выпущенный с дипломом инженера в 1935 г. из Свердловского горного института, он некоторое время работал по специальности на предприятиях Соликамска и Березников. В 1942 г. был выдвинут в Молотовский обком партии. На новом месте службы С.А. Антонов проявил себя как нельзя лучше, иначе не объяснить его успешную карьеру и завоеванное им профессиональное признание. Когда его снимали с работы, никто из членов бюро не сказал о нем ни одного худого слова. Напротив, секретарь по кадровым вопросам — была и такая должность — К.Т. Лайкин напомнил собравшимся, что Семен Афанасьевич «работал преданно, во всех отношениях хороший человек»¹⁰.

Не знаем, какую избирательную кампанию он вел: встречался ли с гражданами, объезжая округ, или все обошлось краткими официальными церемониями. В любом случае избиратели могли познакомиться с его биографией на официальном плакате. Учительница М.А. Суханова из г. Канаш Чувашской АССР узнала в кандидате от блока коммунистов и беспартийных сына местного фабриканта, о чем незамедлительно информировала ЦК ВКП(б). Назначили проверку, которая выяснила, что бдительная работница просвещения не ошиблась.

«Все опрошенные утверждают, что отец Антонова С.А. — Антонов Афанасий Антонович появился в г. Канаш в 1913–1914 гг. из деревни Енеш-Косы Цивильского уезда. Сначала он поселился в доме своего родного брата Филиппа, затем, очень скоро, купил дом у лесопромышленника Игнатьева и переселился в него (сейчас в этом доме, к которому сделан пристрой, размещен финансово-экономический техникум). Уже до прибытия в Канаш Антонов А.А. занимался скупкой и продажей мочальных изделий, а в Канаше развил эту деятельность до внушительных размеров, — сообщалось в офици-

¹⁰ Постановление Бюро Молотовского обкома ВКП(б) от 3 июля 1947 г. § 4. О тов. Антонове С.А. // ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 13. Д. 59. Л. 65.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru